

**Год,
который
остался**

Абдулазиз Максудов

Абдулазиз Максудов

Год, который остался

<https://litres.ru/73252823>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Год, который остался» — повесть о времени, которое прошло, но не ушло.

Десять лет назад Алан Пирс сбежал в Нью-Йорк от разбитого сердца. Построив блестящую карьеру топ-менеджера, он получил всё: деньги, статус, роскошную квартиру на Манхэттене. Всё, кроме человека, с которым хотелось бы разделить этот успех.

Выгорев на работе, Алан берет короткий отпуск и возвращается в тихий, провинциальный Арден, чтобы починить родительский дом и просто выдохнуть. Меньше всего он ожидал встретить здесь Рэйчел — свою школьную любовь, девушку, из-за которой когда-то сжег все мосты.

Случайная встреча на барбекю у друзей ломает все его корпоративные стратегии. Впереди у них всего неделя, прохладные осенние улицы и десять лет глухого молчания, за которым всё еще бьется неугасшее чувство.

Хватит ли нью-йоркскому стратегу смелости признать, что его идеальный мир лишен смысла без нее?

Уютная и светлая история о том, что для искренней любви нет срока годности, а для счастья никогда не бывает поздно.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Абдулазиз Максудов

Год, который остался

Глава 1

Арден

В тот день в Ардене было тепло — не ярко, не лениво и не удушливо, а ровно. Такое тепло обычно приходит в самом начале осени, держится на коже дольше обычного и совершенно не требует к себе внимания. Солнце стояло высоко, но уже не давило на плечи, воздух над асфальтом был кристально прозрачным, и от большого озера, скрытого за линией домов, тянуло лёгкой, едва уловимой сыростью — запахом пресной воды, водорослей и влажного камня. Город дышал глубоко и спокойно, как человек, которому давно некуда спешить.

Алан сошёл с междугороднего автобуса и остался стоять на обочине. Он не двигался, пока пневматические двери с шипением не закрылись, а тяжёлый гул двигателя не растворился за поворотом, оставив после себя лишь запах нагретой резины. На остановке было абсолютно пусто. Он перехватил ремень дорожной сумки, почувствовав привычную тяжесть, и медленно огляделся. Он делал это не потому, что искал в пейзаже что-то новое, а потому, что его мозг сейчас про-

водил безжалостную инвентаризацию: проверял, совпадает ли физическая реальность с тем хрупким слепком, который жил в нём все эти годы.

Совпадала. Вплоть до трещин на тротуаре.

Главная улица тянулась вверх, уходя к холмам, знакомая до болезненных мелочей. Он пошёл по ней пешком, искусственно замедляя шаг, будто боялся пройти эту дистанцию слишком быстро и тем самым стереть, обесценить что-то важное. Асфальт под ногами был тёплый, чуть шероховатый. Машины проезжали редко, с тихим шелестом шин. Где-то вдалеке хлопнула автомобильная дверь, на другой стороне улицы кто-то негромко разговаривал, звякнул колокольчик на двери магазина, но все эти звуки будто держались на почтительном расстоянии, не смея нарушить его личную тишину.

Сначала на его пути возник сквер. Небольшой, ухоженный, с идеально ровными гравийными дорожками и чугунными скамейками, спрятанными под кронами старых вязов. Здесь время, казалось, вообще остановилось. Те же деревья, только их стволы стали толще, а ветви — выше. Та же густая, прохладная тень, в которой когда-то можно было сидеть часами, глядя на воду в фонтане и не делая ровным счётом ничего. Он почти остановился. Посмотрел на коротко стриженную траву, на случайных прохожих, которые шли мимо со своими бумажными стаканчиками, и поймал себя на странном чувстве: он искал взглядом знакомые лица. Не чьи-то

конкретные, а в целом — искал то самое ощущение безопасности и принадлежности, которое когда-то давал ему этот город.

Потом показалась пекарня.

Вывеска над входом сменила цвет с бордового на темно-зеленый, шрифт стал современнее, но запах, вырывающийся из приоткрытой двери, остался прежним. Тёплый, плотный, обволакивающий, с отчетливым оттенком сладкого дрожжевого теста, корицы и жженого сахара. Алан прошёл мимо, не заходя внутрь, но этот запах мгновенно потянул за собой короткое, почти стёртое под слоями времени воспоминание. Он вспомнил, как они однажды стояли под этим самым козырьком, прячась от внезапного ливня. Стояли молча, плечо к плечу, деля на двоих один помятый бумажный пакет с ещё горячим хлебом. Тогда они просто смотрели, как дождь бьет по лужам, и это глупое, простое стояние казалось важнее любых самых глубоких разговоров.

Дальше по улице была библиотека. Невысокое здание из красного кирпича, строгий, почти консервативный фасад, тяжелые дубовые двери и большие окна, в которых отражалось небо. Он посмотрел на окно второго этажа и вспомнил, как сидел там долгими зимними вечерами. Раскладывал перед собой конспекты, делал вид, что напряженно учится, а на самом деле просто ждал. Ждал, когда она закроет свою тетрадь, чтобы можно было вместе выйти на морозный воздух и пройтись до перекрестка рядом с ней. Не обязательно раз-

говаривая. В тот год тишина между ними перестала пугать. Она перестала быть неловкой паузой, которую нужно срочно заполнить словами, и стала пространством, где им просто было хорошо вдвоем.

Кафе на углу, где они когда-то пили самый дешёвый фильтр-кофе, всё ещё работало. Мелкие магазинчики меняли витрины и владельцев, но не спешили это доказывать кричащей рекламой. Арден не пытался казаться другим, не гнался за временем — и в этом было что-то глубоко честное и успокаивающее.

Он дошёл до школы.

Остановился на противоположной стороне улицы. Здание из серого камня теперь выглядело гораздо меньше, чем в его памяти. Обычное. Почти незаметное. Просто школа в провинциальном городе. И всё же Алан замер, чувствуя, как внутри сжимается невидимая пружина. Именно здесь всё началось. Не с красивых слов, не с внезапной вспышки или романтических случайностей. Всё началось с глухого раздражения. С её упрямства и его закрытости. С коротких, колючих взглядов на уроках, с взаимного желания держаться друг от друга как можно дальше. Тогда, стоя в этих коридорах, он ещё не знал главного правила жизни: самые важные вещи часто начинаются с сопротивления.

Он постоял немного, разглядывая пустые окна классов, и пошёл дальше.

К тому моменту, когда впереди показались кованые во-

рота и зеленые лужайки местного колледжа, Алан уже шёл очень медленно. И дело было не в усталости после дороги, а в каком-то тяжелом внутреннем сопротивлении. Это место он помнил слишком хорошо, до спазмов в горле. Здесь звучали те самые разговоры, которые казались им тогда решающими судьбу. Здесь висели те самые паузы, которые в итоге никто из них так и не сумел заполнить. Здесь всё детское стало взрослым. Здесь всё стало настоящим, а потом — закончилось.

Кампус встретил его равнодушным спокойствием. Трава была всё такой же ярко-зелёной, мощные дорожки — безупречно чистыми. Студенты, которые казались ему сейчас совсем детьми, сидели прямо на земле, пили колу, разговаривали, смеялись, листали что-то в телефонах. Обычный день шёл своим чередом. Город не заметил его возвращения и не собирался выделять этот момент ничем особенным.

Алан остановился у края дорожки, стянул сумку с плеча и сел на пустую деревянную скамейку.

Посидел, слушая обрывки чужих фраз.

Потер лицо руками и подумал, что, возможно, он совершил огромную ошибку. Зря приехал. Прошное нужно оставлять там, где оно закончилось.

Он уже собирался встать, закинуть сумку на плечо и уйти, когда заметил движение по другую сторону газона.

Сначала он увидел не лицо. Сначала он узнал походку.

Мозг выхватил этот силуэт из толпы и идентифицировал

его на долю секунды раньше, чем Алан позволил себе это осознать. Эта еле заметная, микроскопическая пауза перед каждым шагом. Привычка чуть наклонять голову вбок, когда она кого-то внимательно слушает. Прямая спина. Всё это было пугающе, невыносимо знакомо.

Рэйчел шла по пересекающейся дорожке и говорила по телефону. Она выглядела иначе — взрослее, стильнее, в её движениях появилась та уверенная плавность, которая приходит только с возрастом. Она говорила спокойно, без лишней жестикуляции, не повышая голоса. Так, как говорят люди, у которых давно, прочно и надёжно сложилась своя отдельная жизнь, в которой нет места призракам из прошлого.

Алан не сделал ни единого шага навстречу. Но он и не отвернулся. Он просто смотрел, как она приближается, не в силах отвести взгляд.

Она подняла глаза — почти случайно, скользнув взглядом по скамейкам, — и резко остановилась. Носок её туфли замер на краю каменной плитки. Телефон всё ещё оставался прижатым к уху, но разговор на том конце оборвался сам собой. Рука медленно опустилась.

Они смотрели друг на друга несколько долгих, оглушительно тихих секунд. Расстояние между ними было метров десять, не больше. И этих секунд хватило им обоим, чтобы понять абсолютно всё: ничего из того, что было, не исчезло, оно всё ещё там, под кожей. Но и вернуться туда, в тот самый год, уже физически невозможно. Между ними выросла стена

из чужих городов, других людей и прожитых лет.

— Алан, — сказала она.

Её голос не изменился. Имя прозвучало просто, ровно. Без театрального удивления, без надрыва или неловкости.

— Привет, — ответил он, чувствуя, как пересохло во рту. — Давно ты здесь? — Сегодня. Только с автобуса.

Она кивнула, глядя на его дорожную сумку, будто именно этого ответа и ожидала. Будто его приезд был лишь вопросом времени. — Рада тебя видеть, — сказала она. В её глазах не было ни вызова, ни сожаления. Только спокойная констатация факта.

Он посмотрел на неё внимательнее, чем собирался. Изучая морщинки в уголках глаз, линию губ. — Я тоже.

Рэйчел улыбнулась — коротко, одними уголками губ, почти незаметно для окружающих, но абсолютно понятно для него. — Мне нужно идти, — сказала она, слегка кивнув в сторону учебного корпуса. — Но, может, увидимся ещё. — Может.

Она развернулась и пошла дальше по своим делам, не оглядываясь. Алан остался сидеть на скамейке. Он смотрел ей вслед до тех пор, пока её силуэт не слился с толпой студентов и не исчез за поворотом аллеи.

Он приехал в Арден, чтобы увидеть город и, возможно, что-то в себе починить. Но город оказался лишь дорогой, которая сразу же привела его к ответу.

После кампуса он больше не останавливался. Он закинул

сумку на плечо и пошёл вниз по улице, уходя от центра туда, где Арден становился тише и провинциальнее. Людей на тротуарах становилось всё меньше, яркие витрины попадались реже, а дома становились ниже, прячась за живыми изгородями. Этот город умел мастерски и быстро сбрасывать с себя внешний шум, стоило лишь свернуть с главной транспортной артерии.

Он точно знал, куда идёт.

Родительский дом стоял пустым уже несколько лет. Он не был заброшенным, не пугал выбитыми окнами или заросшим двором — это был просто дом, из которого ушла жизнь. Родители давно переехали в Нью-Йорк, поближе к клиникам и другой скорости жизни, а старый дом в Ардене остался ждать, не задавая лишних вопросов. Иногда, по просьбе матери, за ним приглядывал дядя Алан. У дяди была своя небольшая клининговая служба в городе: пара старых фургонов, несколько работников из приезжих, простая, методичная работа без лишних разговоров. Раз в год он присылал кого-нибудь из своих ребят проверить трубы, проветрить комнаты, смахнуть пыль с мебели. В этот раз, узнав о приезде племянника, он сделал всё сам.

Алан вспомнил об этом только потому, что сейчас ему нужно было зайти за ключами.

Офис дяди находился совсем недалеко от их улицы — приземистое одноэтажное здание с выцветшей пластиковой вывеской и тяжелой стеклянной дверью, которая всегда за-

крывалась слишком громко, с дребезжанием. Алан толкнул её плечом, и внутри его сразу же обдало резким, но почему-то уютным запахом: смесью промышленных чистящих средств, дешевого лимона, старой бумаги и крепкого кофе.

— Ты рано, — густым басом сказал дядя, поднимая сидящую голову от заваленного накладными стола. — Автобус пришёл раньше расписания, — ответил Алан, останавливаясь у порога. — Такое бывает. Опережать график — не отставать.

Дядя тяжело поднялся, обошёл свой массивный стол и подошел к Алану. Он крепко, по-медвежьи обнял его. Без лишних приветственных слов, без похлопываний по спине и суты. Просто жест. Потом отстранился и посмотрел внимательно, цепко. Так смотрят не на того взрослого, успешного мужчину, которым ты стал в большом городе, а на того мальчишку, которым ты когда-то бегал по этим улицам.

— Дом готов, — сказал дядя, возвращаясь к столу. — Всё проверил, всё чисто. Я вчера сам туда заехал, включил бойлер. — Спасибо. Я ценю это.

Дядя коротко кивнул, принимая благодарность, выдвинул верхний ящик стола, достал связку ключей на потертом кожаном брелоке и положил на столешницу. Металл тихо звякнул о дерево. Звук показался Алану оглушительным.

— Если что понадобится, или трубы где потекут — звони в любое время. — Хорошо. Обязательно.

Больше говорить им было не о чем. Их отношения всегда

строились на взаимном уважении и комфортном молчании.

Алан вышел на улицу, сжимая в кармане куртки холодную связку ключей, и снова пошёл пешком. До дома оставалось всего несколько кварталов, но он не ускорял шаг. Наоборот. Ему хотелось прийти к тому порогу так же спокойно, как он шёл сейчас. Без спешки. Без ожиданий.

Улица, на которой стоял его дом, была узкой, укрытой от ветров и какой-то по-особенному тихой. За прошедшие годы старые клёны по обеим сторонам дороги разрослись ещё сильнее, их тяжелые кроны почти сомкнулись над проезжей частью, из-за чего закатный свет ложился на асфальт неровными, дрожащими пятнами. Алан узнал дом сразу, ещё издалека. Светлый фасад, краска на котором слегка выцвела под солнцем. Небольшое деревянное крыльцо на три ступеньки. Те же вытянутые окна, смотревшие на улицу с привычным спокойствием.

Внешне не изменилось абсолютно ничего.

Он остановился у невысокой калитки, не открывая её сразу. Его рука легла на прохладный металл, но пальцы не сжались. Он смотрел на этот дом так, как смотрят на человека, с которым когда-то были неразлучны, но потом расстались на долгие годы, и теперь, встретившись, просто не знают, с чего начать разговор.

Наконец, Алан толкнул калитку и медленно прошёл во двор.

Трава на лужайке была аккуратно подстрижена — дядя

явно постарался. Окна блестели чистотой. Входная дверь выглядела ухоженной, петли не скрипели, будто дом вовсе не стоял пустым, а его открывали только сегодня утром. Алан достал из кармана связку ключей. Он задержал их в руке на секунду дольше, чем физически требовалось для того, чтобы вставить ключ в скважину. Будто давал себе последний шанс передумать. Затем вставил ключ и повернул.

Металлический щелчок в абсолютной тишине прозвучал громче, чем он ожидал, отдавшись эхом где-то внутри.

Он перешагнул порог. Внутри пахло чистотой, пылесосом, полиролью для дерева и чем-то совершенно нейтральным. Здесь не пахло домом — пока нет. Запах жилья складывается из дыхания людей, из готовки, утреннего кофе и мокрой обуви в прихожей. Сейчас это было просто стерильное помещение. Алан закрыл за собой дверь, поставил дорожную сумку у стены и бесшумно прошёлся по комнатам первого этажа. Всё было на своих законных местах, но полностью лишено следов жизни. Массивная мебель. Книжные полки. Идеально пустые, протёртые от пыли поверхности столов и тумбочек.

Он остановился в центре гостиной и тяжело опустился на диван.

Тишина здесь была другой — не такой, как на улице. Она была глубже, плотнее, словно давила на барабанные перепонки. Эта тишина не пугала, но и не приносила ожидаемого успокоения. В таких покинутых домах время будто пере-

стает идти вперед; оно замирает, консервируется, терпеливо ожидая, когда кто-нибудь наконец вернётся, снимет жизнь с паузы и продолжит ровно с того места, где остановился.

Алан посмотрел в большое окно, выходящее на задний двор. И вдруг с кристальной ясностью подумал, что этот старый дом, как и сам Арден, сумел сохранить всё гораздо лучше, чем он сам.

В этом доме всё всегда начиналось рано и подчинялось строгим правилам.

Алан пошёл в первый класс без малейшего страха или детского трепета. Не потому, что был от природы каким-то выдающимся смельчаком — он просто искренне не видел логичных причин для того, чтобы бояться. Утром первого сентября он проснулся сам, до звонка будильника, аккуратно надел приготовленную с вечера одежду, спустился вниз, сел за кухонный стол и молча доел свой завтрак. Родители тогда удивленно переглянулись поверх чашек с кофе, но ничего не сказали. Тогда они ещё не знали, что так будет почти всегда. Их сын не требовал контроля.

Школа находилась недалеко, в пятнадцати минутах ходьбы. Дорога туда была знакомой, прямой, совершенно лишённой сюрпризов. Он запомнил её алгоритм с первых же дней — на каком перекрестке нужно ускорить шаг, чтобы успеть на светофор, где можно идти медленно, рассматривая трещины на тротуаре. Ему нравилось понимать, как всё устро-

ено. Нравились системы, в которых есть начало и конец.

В первом классе он очень быстро разобрался, что именно от него требуется в стенах этого здания. Буквы складывались в слова без видимых усилий. Задания по математике имели четкую, нерушимую логику. Если следовать установленным правилам, всё работало безупречно. Эта механика его полностью устраивала.

Он учился хорошо. Не потому, что отчаянно старался произвести впечатление на учителей или заслужить похвалу родителей. Просто он не видел никакого практического смысла делать работу плохо, если можно с тем же успехом сделать её правильно с первого раза. Учителя заметили эту его особенность почти сразу. Его не выделяли вслух, не делали любимчиком, но на него всегда смотрели с тем особым облегчением, с каким взрослые смотрят на человека, который точно не подведет и не создаст проблем.

Со второго класса он окончательно привык к определенному, нерушиму ритму. Школа — короткая дорога домой — уроки — тихий вечер.

Дом всегда был спокойным. Без истерик, без громких ссор, без бессмысленной суеты. У каждого члена семьи было своё место, своё время для разговоров и для молчания. Уроки Алан делал за большим столом на кухне, раскладывая тетради строго параллельно краю. Делал всё методично, без единого напоминания. Если какая-то задача не поддавалась сразу, он не злился, не бросал ручку и не просил помощи

— он просто откладывал её, возвращался позже и пробовал снова, пока не находил решение.

К третьему классу он уже твердо усвоил главное правило: в школе, как и в жизни, всё решает внимание. Кто-то на задних партах отвлекался, кто-то откровенно ленился, кто-то делал вид, что ему наплевать на оценки, скрывая за этим свою неуверенность. Алан же просто делал то, что было нужно. И это всегда давало гарантированный результат.

Он был отличником. Но это слово никогда не было для него предметом гордости или чем-то особенным. Оно было просто сухим фактом. Констатацией того, что система работает.

В четвёртом классе школа вдруг начала казаться ему меньше. Не физически — коридоры не сузились, — а внутренне. Он знал это место наизусть. Знал, чего ожидать от каждого урока, от интонаций учителей, от выходок одноклассников. Сюрпризов почти не случалось. И это его абсолютно устраивало.

Дом по вечерам наполнялся привычными, уютными звуками: размеренные шаги отца в коридоре, приглушенные разговоры родителей, бормотание телевизора на фоне. Алан делал уроки, иногда читал книги про космос или механику, иногда просто сидел у окна, глядя на темнеющую улицу. Тогда он ещё совершенно не думал о будущем. Всё вокруг было устроено так надежно и прочно, что о завтрашнем дне просто не нужно было тревожиться.

Алан стоял сейчас в этой же самой комнате, спустя столько лет, смотрел на тот самый кухонный стол и предельно ясно видел одну вещь: в те времена его жизнь была прямой, как начерченная по линейке линия. Без скрытых ходов. Без двойного дна. Без людей, которые могли одним словом или взглядом выбить почву из-под ног и разрушить весь его стройный мир.

Тогда он ещё не знал, что эта предсказуемость рухнет. И что начнётся всё это не сразу, а постепенно, как вода подтачивает камень.

Он ещё немного посидел на диване в гостиной, не двигаясь. Нахлынувшее воспоминание ушло так же тихо, как и пришло — без предупреждения, не оставив после себя финальной точки. Дом снова стал просто физическим объектом: крашенные стены, стекла окон, пыльная тишина. Алан моргнул, возвращаясь в реальность, встал, потянулся до хруста в плечах и вернулся к дорожной сумке, которую оставил у входа.

Рюкзак был совсем лёгким. Он всегда так ездил — с абсолютным минимумом вещей, чтобы ничто не тянуло плечи. Всё остальное он предпочитал отправлять заранее почтой или курьерской службой. Небольшой чемодан с одеждой, запасной обувью, парой рабочих вещей на случай форс-мажора. Так было гораздо проще: не таскать за собой лишний груз по вокзалам, не думать о багаже в дороге. Контролиро-

вать перемещение. Он делал так уже не первый раз в своих командировках, и это давно стало въевшейся привычкой.

Алан сел на самый край дивана и начал методично разбирать рюкзак. Ноутбук лег на журнальный столик. Рядом — скрученный провод зарядки. Тонкая папка с документами. Книга в мягкой обложке, которую он так и не дочитал в Нью-Йорке, не находя времени на вымышленные миры. Ничего лишнего. Всё легло на стол аккуратно, строго параллельно краям, как он любил с детства.

Он приехал сюда на две полные недели. Это был отпуск, который он не планировал долго, решение созрело как-то само собой, резко и неотвратимо. В Нью-Йоркском офисе о его точном местонахождении знали только два человека. Остальные коллеги решили, что он просто уехал куда-то «проветриться» и выгорел. Он не стал ничего объяснять или опровергать. Объяснения всегда усложняют конструкцию и делают вещи тяжелее, чем они есть на самом деле.

Он посмотрел на наручные часы. Местное почтовое отделение ещё должно было быть открыто. Дом можно было ненадолго оставить.

Алан взял ключи с тумбочки, вышел наружу, плотно закрыл дверь, убедившись, что замок защелкнулся, и спустился с крыльца. На улице стало заметно прохладнее. Солнце уже клонилось к верхушкам деревьев, и тени от стволов вытянулись вдоль дороги длинными темными полосами. Он пошёл в сторону почты, не ускоряя шаг, ступая размеренно,

как будто времени в этих сутках было гораздо больше, чем на самом деле.

Почта находилась недалеко — старое кирпичное здание с широким крыльцом, которое за прошедшие годы не изменилось ни на дюйм. Те же мутноватые стекла в окнах, та же вывеска с облупившейся синей краской. Внутри стоял характерный, ни с чем не сравнимый запах: смесь сухой бумаги, гофрированного картона, сургуча и чего-то ещё — неуловимо знакомого, осевшего глубоко в памяти. Он подошел к стойке, назвал фамилию пожилой женщине в очках на цепочке, показал водительские права и остался ждать, опершись о деревянный прилавок.

Работница тяжело ушла куда-то вглубь стеллажей и через минуту выкатила чемодан. Его чемодан.

Он узнал его моментально — тёмно-серый, из плотного пластика, немного потертый на углах от частых перелетов, с полустертой наклейкой из аэропорта Сиэтла, которую он так и не удосужился снять. Алан расписался в потертom журнале, вежливо поблагодарил женщину, забрал свой груз и вышел обратно на улицу. Чемодан был довольно тяжёлым, его колесики с легким грохотом покатались по асфальту. Но это физическое ощущение тяжести в руке было почему-то приятным — оно служило материальным подтверждением того факта, что он здесь не проездом, не на пару часов. Он здесь надолго.

Обратно к дому он шёл ещё медленнее. Теперь внутри по-

явилось странное ощущение завершённости: базовые вещи на своих местах, дом принял его и ждёт, день медленно клонится к закату, но ещё не закончился. Он занёс чемодан в прихожую, докатил его до стены в родительской спальне и оставил там. Разбирать вещи прямо сейчас не было никакого смысла. Успеется.

В старом холодильнике на кухне, разумеется, было абсолютно пусто, если не считать запаха фреона и пластика. Он этого ожидал.

Алан снова вышел на улицу, запер дверь и направился в ближайший супермаркет. Тот самый, куда когда-то давно они с матерью ходили за продуктами по выходным, без всякого списка, набирая в тележку кучу вкусного, но совершенно лишнего. Сейчас он шёл туда один, с предельно чётким пониманием того, что именно ему нужно для выживания: бутилированная вода, что-нибудь максимально простое на ужин и пачка нормального кофе на утро.

Магазин встретил его ослепительным светом люминесцентных ламп и привычным коммерческим шумом: лязг металлических тележек, обрывки чужих диалогов у касс, ненавязчивая поп-музыка, льющаяся из динамиков на потолке. Он прошёл между длинных полок спокойно, не торопясь и не блуждая. Выбирал нужные банки и упаковки без раздумий, почти на автомате — как человек, который давно знает, что ему нужно от этого мира, и не ищет на прилавках ничего нового.

На кассе он расплатился картой, вышел на темнеющую улицу и на секунду остановился у стеклянных дверей, вдыхая свежий вечерний воздух. В руках — крафтовый пакет с продуктами. Впереди — пустой дом. Этот странный день медленно, но верно складывался в правильную, предсказуемую форму.

Когда он снова переступил порог, в доме уже витало совершенно другое ощущение. Воздух больше не казался гостевым. Не был временным. Он прошёл на кухню, поставил бумажный пакет на стол, щелкнул выключателем и распахнул окно. Тёплый вечерний воздух с запахом озерной воды хлынул внутрь, смешиваясь со спертой тишиной комнаты и вытесняя её.

Кухня постепенно наполнялась густыми сумерками. Свет с улицы стал мягким, размытым, теряющим контуры, и Алан всё-таки включил подвесную лампу прямо над обеденным столом. Жёлтый, тёплый свет лег на деревянную поверхность спокойно, очертив уютный круг без резких теней. Он не спеша разложил купленные продукты по полкам, посмотрел на закрытую дверцу холодильника и только тогда, тяжело выдохнув, достал из кармана телефон.

Звонить родителям он совершенно не спешил, но знал — это нужно сделать именно сейчас. Не потому, что они будут вслух причитать или закатывать истерики из-за его долгого молчания. У них в семье это было не принято. Просто позвонить по прибытии — это было правильно. Это было ча-

стью системы.

— Ты доехал? — спросила мать почти сразу, как только сняла трубку. Без лишних приветствий и долгих вступлений. — Да. Всё нормально. Я уже дома, — ответил Алан, глядя на темное окно. — Устал с дороги? — Немного. Но всё хорошо. Дом в порядке.

Отец взял трубку чуть позже. Его голос прозвучал так же глухо и сдержанно. Он сказал пару коротких фраз, поинтересовался ситуацией на дорогах, спросил, работает ли бойлер. Ничего лишнего, никаких попыток залезть в душу или узнать истинные причины этого спонтанного отпуска. Разговор занял от силы три минуты и закончился так же ровно и спокойно, как и начался.

— Отдыхай, Алан, — сказала мать напоследок, и в её голосе проскользнула едва уловимая теплота. — Не пропадай. Звони. — Не буду пропадать. Спокойной ночи.

Он нажал на сброс вызова, положил телефон на стол экраном вниз и больше к нему в этот вечер не возвращался. Связь с внешним миром была официально разорвана.

Готовка всегда была для него лучшим способом заземлиться, вернуть себе контроль над реальностью. В Нью-Йорке это считалось непозволительной роскошью — чаще он перехватывал безвкусные сэндвичи на бегу, пил остывший кофе из картонных стаканов прямо за рабочим столом или ужинал в ресторанах, где еда была лишь декорацией для деловых переговоров. Здесь же, на этой старой кухне, време-

ни оказалось более чем достаточно. Оно больше не подгоняло в спину. Алан достал из нижнего шкафчика тяжелую металлическую кастрюлю, налил в неё холодную воду и поставил на конфорку. Он не стал бросать соль сразу, а терпеливо дождался, пока со дна поднимутся первые пузырьки и вода закипит ключом. Его движения были скупыми и точными, полностью лишёнными суеты, будто он выполнял давно заученный ритуал, где каждый шаг имеет свой вес.

Он достал разделочную доску со следами старых порезов и принялся нарезать говядину тонкими, одинаковыми полосками. Он направлял тяжелый нож уверенно, контролируя каждое движение кисти, и мясо ложилось на деревянную поверхность идеально ровно, без рваных краёв. Чугунная сковорода на соседней конфорке разогревалась медленно, неохотно, но Алан не пытался выкрутить огонь на максимум. Он знал: спешка здесь только всё испортит, высушит мясо, убьёт вкус. Когда оливковое масло наконец нагрелось, пустив легкий прозрачный дымок, он аккуратно выложил на сковороду говядину. Кухню мгновенно заполнил тот самый плотный, уютный звук — ровное, нарастающее шипение, которое на каком-то животном уровне всегда означало, что всё идёт так, как надо.

Он остался стоять у плиты, методично помешивая мясо деревянной лопаткой, не отходя ни на шаг. Добавил мелко порубленный зубчик чеснока и замер, выжидая тот самый короткий момент, когда запах раскроется — станет мяг-

ким, пряным, но ещё не успеет приобрести ту горьковатую резкость пережаренного масла. Только после этого влил густые сливки. Белая жидкость закипела по краям, и соус начал медленно, правильно густеть, обволакивая кусочки мяса. Алан убавил огонь до минимума, зачерпнул немного на кончик ложки, попробовал, прикрыв глаза. Добавил щепотку крупной морской соли и свежемолотый чёрный перец. Никаких сложных кулинарных изысков. Никаких лишних ингредиентов, забивающих суть.

Пока в соседней кастрюле варилась паста, он просто стоял, опершись бедром о столешницу, и смотрел, как соус на медленном огне приобретает красивый, однородный кремовый оттенок. В такие примитивные, бытовые моменты его вечно напряженный мозг наконец расслаблялся, и мысли, сбитые в тугую комок за время поездки, сами собой выстраивались в спокойный порядок. Подготовка не требовала от него глубокого анализа, стратегий или прогнозирования рисков — она требовала исключительно физического присутствия и внимания к деталям. И этого простого действия ему сейчас было более чем достаточно.

Откинув пасту на дуршлаг, он высыпал её в сковороду, смешал с густым мясным соусом, позволив им соединиться, и с легким щелчком выключил конфорку. Тарелку он достал из сушилки не случайную — инстинктивно выбрал ту самую, тяжелую, из толстого белого фаянса без единого рисунка, которую они в семье использовали постоянно. Поста-

вил её на деревянный стол, пододвинул стул и сел. И только увидев перед собой горячую еду, почувствовав её плотный аромат, Алан вдруг осознал, насколько сильно он проголодался за этот бесконечный день.

Он ел медленно. Не потому, что пытался распробовать каждый оттенок вкуса, а просто по привычке не торопить события там, где этого не требуется. За окном окончательно стемнело, фонари на их улице ещё не зажглись, и мир снаружи растворился в черноте. Арден исчез. Старый дом превратился в замкнутую, безопасную капсулу, отсеченную от остальной вселенной. В этом ограниченном пространстве грудная клетка расслаблялась, и дышать становилось физически легче.

Закончив ужин, он не оставил грязную посуду в раковине, а вымыл её сразу же, под струей горячей воды. Тщательно протёр влажной губкой обеденный стол, стирая невидимые крошки. Опустил оконную раму, отсекая вечернюю прохладу. Каждое из этих мелких действий давалось ему без малейшего внутреннего усилия, будто тело само, минуя сознание, возвращалось к давно заученному, успокаивающему распорядку.

Когда он наконец перешел в гостиную и опустился на диван, в доме уже воцарился вечер — настоящий, густой и глубокий. Не тот суетливый городской вечер, который является лишь прелюдией к ночным делам, а вечер финальный. Он откинулся на мягкую спинку, вытянул длинные ноги и впер-

вые за все эти долгие часы в дороге позволил себе ощутить усталость. Она не была тяжелой, свинцовой или болезненной. Это была честная усталость тела, выполнившего свою задачу на сегодня. Этот вечер абсолютно не требовал никакого логического продолжения в виде звонков, планов или разговоров. Он был самодостаточным.

И всё же, несмотря на усталость, Алан не стал сразу подниматься в спальню. Старый дом ещё не остыл, не был готов ко сну, да и его собственная нервная система ещё продолжала по инерции слабо вибрировать. Он достал из оставленного у двери рюкзака книгу в мягкой обложке, вернулся на диван и щёлкнул выключателем старой настольной лампы с тканевым абажуром. Верхний свет включать не стал. Жёлтый луч лёг на страницы узким, теплым кругом, оставив углы просторной комнаты в мягкой, обволакивающей полутени.

Он читал поразительно медленно. Текст не представлял собой ничего сложного, но глотать абзацы, как он делал это с рабочими отчетами, сейчас совершенно не хотелось. Иногда, добравшись до середины страницы, он ловил себя на том, что его взгляд уже минуту неподвижно зафиксирован на одной и той же строчке, а мозг категорически отказывается впитывать смысл напечатанных слов. Мысли отрывались от бумаги и уходили в сторону сами по себе, не спрашивая разрешения.

Нью-Йорк проступал на фоне сознания — глухо, как звук радио в соседней квартире. Это были не конкретные образы

стеклянных небоскребов, не лица коллег и не шумные авеню. Это был сам ритм мегаполиса, его неумолимый пульс. Утро, которое всегда безжалостно начинается раньше, чем ты успеваешь к нему подготовиться. Работа, где каждое принятое решение неминуемо тянет за собой цепочку из десятка новых задач. Бесконечные планерки, стратегические сессии, телефонные разговоры, в которых от тебя ежесекундно требуется быть максимально собранным, жестким и эффективным. В той жизни он почти никогда не позволял себе ставить всё на паузу. Там даже редкие часы отдыха были строго регламентированы и аккуратно встроены в ячейки электронного календаря.

Алан закрыл глаза и подумал о том, что за эти две недели его отсутствия там ровным счётом ничего не рухнет. Мир корпораций не остановится. Горящие проекты молча подхватят заместители. Важные решения скрипнут, но будут приняты и без его прямого участия. Это внезапное осознание собственной заменимости было одновременно глубоко успокаивающим и по-своему странным, оставляющим внутри легкий сквозняк пустоты.

Он со вздохом закрыл книгу, так и не продвинувшись дальше одной главы, положил её на журнальный столик рядом с диваном и долгое время просто сидел в тишине, прислушиваясь к дыханию дома. Снаружи звуков почти не доносилось, город спал. Лишь однажды где-то на соседней улице с едва слышным шуршанием шин проехала запоздалая ма-

шина, свет её фар мазнул по потолку и тут же исчез. И снова всё поглотила густая, ватная тишина.

Перед тем как окончательно сдаться сну, Алан погасил лампу в гостиной, погрузив первый этаж во мрак. Прошёлся босиком по коридору, проверяя замки на входной двери и защелки на окнах. Он делал это не из-за тревоги перед чужим городом, а просто повинаясь старой, въевшейся в подкорку привычке. Поднявшись на второй этаж, он вошел в свою бывшую спальню. Здесь было заметно прохладнее. Он подошел к раме и приоткрыл окно всего на несколько дюймов, ровно настолько, чтобы впустить внутрь свежий, пахнущий озерной водой ночной воздух. Разделся и лёг на застеленную чистым бельем кровать, даже не попытавшись дотянуться до прикроватного бра.

Белый потолок над ним моментально растворился в непроницаемой темноте. Остывающий за ночь деревянный дом начал издавать едва уловимые звуки: тихо поскрипывали половицы в коридоре, где-то в стене глухо вздохнула труба, деревянные балки словно расправляли плечи, напоминая о своем незримом присутствии. Эти звуки не пугали, они были родными, вшитыми в память детства, и совершенно не навязчивыми. Алан лежал на спине с открытыми глазами совсем недолго. Он больше не боролся с собой, позволив всем событиям этого долгого дня окончательно осесть на дно сознания. Мысли в голове всё ещё лениво ворочались, но они больше не ранили и не мешали. Они просто были там, как

фон.

Засыпая, он наконец понял природу своей усталости. Он был истощен вовсе не многочасовой дорогой и даже не встречей с городом. Он устал от самого факта своего возвращения сюда — от тяжести дверей в прошлое, которые пришлось заново открыть внутри себя. И всё же, это была очень правильная, целительная усталость. Та самая, после которой тяжелый сон приходит сразу и честно.

Когда Алан закрыл глаза, этот длинный день окончательно завершился, больше не требуя продолжения.

Первое утро в Ардене началось не со звука будильника. Оно началось с тишины.

В Нью-Йорке тишины не существует в принципе — есть лишь разная степень городского гула: вой сирен вдалеке, грохот мусоровозов на рассвете, бесконечный, давящий шум транспортного потока за окном. Здесь же тишина была настолько плотной, густой и осязаемой, что поначалу казалась оглушительной. Алан открыл глаза и несколько долгих минут просто лежал на спине, глядя в светлеющий потолок. Комната медленно наполнялась мягким, рассеянным светом ранней осени. Никуда не нужно было бежать. Не нужно было тянуться за телефоном, чтобы проверить почту. Само время здесь текло иначе — не по прямой, жесткой линии дедлайнов, а плавно, как вода в озере за холмами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.